

ИРИНА УШАКОВА

“И МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ...”

Будущего у России не может быть без русской словесности, расцветшей на почве церковнославянского языка. Словом искони передавалась традиция самобытной культуры народа, опыт исторических побед и поражений. Слово есть выразитель всей народной жизни и души народа с её скорбью и радостью, песней и плачем.

“И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово” — звучали слова А. Ахматовой в роковую минуту, когда враг, захвативший почти всю Европу, стоял на подступах к Москве.

Дорого нам досталось сохранение на протяжении столетий великого русского языка, как дорого оно достаётся сейчас жителям Донбасса — колхозникам и шахтёрам, взявшим в руки оружие после того, как на Украине ввели закон о русском языке... “Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык”, — писал Василий Шукшин — наша гордость, наша совесть.

Сегодня идёт борьба с русским языком, ибо именно он — незримый охранитель народа. Иначе как назвать то, что до минимума сокращено в школе преподавание литературы — единственного предмета, который формирует мировоззрение человека, воспитывает духовность и нравственность; то, что в теле- и радиэфире нет места традиционной русской культуре, как и культурам многонациональной России со всей палитрой их сказок, песен, былин...

Сохраним ли мы в чистоте великий русский язык в нынешнее время рафинированного патриотизма и невиданной подмены традиционной культуры?

Владислав БАХРЕВСКИЙ, русский писатель, автор более ста книг прозы, поэзии, переводов, в том числе исторических романов, член жюри многих литературных конкурсов, общественный деятель

Великий могучий русский язык ныне — достояние книгохранилищ и хранилищ записей в институтах, где занимаются фольклором (однако институт фольклора Министерство культуры умудрилось ликвидировать. Только благодаря руководителям, почитающим себя ответственными за народное достояние, институт сохранён как отделение). Так что существование государства, носящего имя Россия, — это уже не гарант сохранения языка, литературы и самой русской матрицы сознания.

Чудовищные массы современных сочинителей языком минувших времён не владеют, как и сам народ, лишённый деревни. Писателей, владеющих если не полнотой словарного богатства, так по крайней мере гармонией русской природной речи, критики причисляют к устаревшим.

Вот абзац из “новой” литературы: “Она так сейчас была взбешена, киса окончательно испортил ей настроение, а теперь ещё раздражённо цыкает в спину. Выйдя из коридора, ни секунды не задумываясь, чисто по наитию, она выбрала верное направление и скоро нашла столы с книгами, прошвырнулась, ища своих – нашла”. Политика лжереформаторов жизни русского народа, уничтожающих, прежде всего, детскую литературу, насаждающих бесстержневое образование, когда школьные знания превращены в свалку и не остаются в памяти, рано или поздно будет названа антинародной.

Писателю, русскому остаётся одно: делать своё дело. Писать на великом могучем языке, языком образным, недоступным нашим ненавистникам и прямым врагам. Надо вести всенародную проповедь о таинственной благодати и чудесном могуществе родного русского языка, ибо слово, сказанное с любовью, создаёт душу.

Александр ЕВДОКИМОВ, профессор кафедры теологии МГЛУ

Невозможность военной победы над Россией давно осознана Западом в ходе XVII–XX столетий. Новая форма военных действий – информационная – предполагает разрушение культурного пространства русской православной цивилизации, где важнейшим аспектом является язык народа. Разложение любого языка есть потеря возможности воспроизводства культуры.

Фактически информационная война в том или ином проявлении всегда велась против Русского государства, в частности, попытки внедрения католичества, изменения календаря. Это касается и русского языка.

Глобализационные процессы характеризуются стиранием языковых различий, формированием международного языка и международного сленга. В связи с этим для современного российского общества характерна деформация лингвистического пространства. **Повышенная чувствительность русских к слову** выдвигает на первый план проблему защиты русского языка от западной лингвистической агрессии, ставшей важнейшим стратегическим направлением ведущейся против России информационной войны. Победа Запада сейчас осуществляется на информационном уровне, без непосредственного военного вторжения.

Необходимо остановиться и на естественно-научном аспекте проблемы.

Наше бытие характеризуется тремя субстанциями (лат. *substantia* – сущность, то, что лежит в основе: духовная субстанция, материальная субстанция): **информацией, энергией и материей**. Последовательность расположения имеет важный смысл – “В начале было Слово...” (Ин 1:1). Представители универсального эволюционизма расположили бы всё в обратном порядке: материя, энергия, информация. Таким образом, **слово есть информация, а язык – хранилище информации, средство её передачи и сама информация**. Количество информации всегда определяет стабильность существования любой социоестественной системы. Упрощение и опoшление языка неизбежно ведёт к снижению стабильности общества.

Процесс разрушения языка вызвал к жизни появление так называемой **“экологии слова”** – широкого культурологического течения, возникшего во второй половине XX века. Экология слова находится в стадии формирования. Это наука о духовном значении слова, о его связи с личностью, с характером и судьбой народа, с высшими духовными сферами, с Творцом – направлением, связанное с русской философией (о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, А. Ф. Лосев, Г. С. Батищев); о связи языка с культурой народа и со всей семиосферой (Ю. М. Лотман), о целостности языка, о его сохранении, об энергетике языка, о его связи с биосферой.

О любом этносе становится модным говорить как о “пользователе” языка, тогда как язык составляет духовную основу народного миропонимания.

Характерные элементы языковой агрессии: мэ́р, спикер, саммит, имиджмейкер, дилер, киллер, рэкетир, дистрибьютор, тинэйджер, шоумен,

менеджер, супервайзер; обороты вроде “Горбачёв-фонд”, “Айс-Фили”, “арткультура”, “хит-парад”.

Наряду с этим продолжается проникновение в обиходный язык криминальной лексики: замочить, беспредел, опустить, наехать, держать за кого-либо, что-либо.

В обществе начинает доминировать аудиокультура — без чтения, “язык рекламы”, формирующая так называемое “клиповое сознание”, разлагающе действующее на миропонимание народа.

В СМИ получает распространение и ненормативная лексика — слова, содержащиеся в “отхожих местах языка” (выражение профессора В. Ю. Троицкого); в нашем обществе потому и стоит смрад, поскольку в отхожих местах содержат продукты биологического разложения. Разложение языка есть рост безнравственности, но в безнравственном обществе не действуют самые высоконравственные законы, и ничего хорошего сделать в таком обществе просто невозможно. Привычка к сквернословию — признак духовного разложения человека, на которого невозможно положиться ни в одном серьёзном деле; позволяющий себе нечистую речь без затруднений решится и на нечистые дела — это доказано на практике. Но в настоящее время создаются даже словари ненормативной лексики, авторы которых оправдывают себя невозможностью закрывать глаза на явление “гнилой” речи. Языковое сознание разлагается, и при сохранении текущей ситуации противостоять информационной агрессии в недалёком будущем станет уже невозможно.

Употребление “чёрного слова” неизбежно ведёт к неразличению добра и зла, это — основа вседозволенности.

В этой ситуации нельзя не помнить слова апостола: “Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и всё тело” (Иак 3: 2-12).

Владимир Крупин, прозаик, член Президиума Академии русской словесности

Более тяжёлых времён в России не бывало. Всё зло мира идёт войной именно на русскую душу. Почему? Мир обезбожен, а Россия — последнее прибежище Христа на Земле. Даже так: последняя надежда, подаваемая нам Господом. Он вразумлял людей Содомом и Гоморрой, Всемирным потопом, Вавилонским столпотворением. Он, жалея Своё творение, пришёл в образе человека, умер за нас, победив смерть... Что нам ещё нужно? И нам ли, православным, унывать: у нас нет смерти. Но есть родина, есть русский богослужбный язык, и если мы его потеряем, то Образ Божий будет искажён, и Россия осиротеет.

Мы не имеем права ни унывать, ни отчаиваться, это грех, но руки же опускаются — гибнет язык. Пачкается икона русского языка, и пока не вижу надежды, что она может обновиться, ибо всё новые слои мерзости и похабщины покрывают её. Убогий англоязычный сленг, судорожные эсэмэски, интернетская торопливость, матерщина, что ещё? Уже и речи нет о грамотности, и уж какие там словарные запасы, какое словесное богатство, когда учёные ЕГЭ-дяди и ЕГЭ-тёти изгоняют классику из школы под предлогом её непонятности. Она, прежде всего, им непонятна и ненавистна.

Русская литература — ведущая в мире именно от того, что она православна. Она сохранила веру и нравственность народа в годы богоборчества, и от того она очень негодна демократам. Зачем русский язык мэрам, омбудсменам, спикерам, модераторам? Они ботают по своей фене...

Не могу ничем пока утешиться. Встречи со школьниками и студентами у меня постоянны. Но уже и они, дававшие раньше радость, теперь полны горечи. Начинаешь читать поэтические перлы, начнёшь, специально превёшь чтение и надеешься, что кто-то продолжит. Молчание в ответ. “Это же Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Есенин, Рубцов... Как можно не знать, как не понимать, что русское слово — это главное золото, данное нам. Данное даром! По золоту ходим!” Но всё-таки молчание в ответ, хотя бы виноватое.

Слово — не только духовно, оно и материально. Слово всё создано. А ведь по нашим грехам Словом может всё кончиться. Заслужили.

Будем молиться: “Не лишай нас, Господи, русской речи!”

Михаил КИЛЬДЯШОВ, секретарь Союза писателей России, председатель Оренбургского регионального отделения Изборского клуба, г. Оренбург

В мае в календаре наших праздников промыслительно соседствуют День славянской письменности и День Победы. Язык и Победа — две силы, два смысла, ставшие точками опоры сегодняшней жизни. На них держатся наша память, наша воля, вера в то, что все невзгоды преодолимы, а все недруги одолимы.

История языка и история ратного подвига неразрывны. Их единство убеждает в том, что расцвет русской словесности никогда не был связан с сугубо эстетическими причинами. Слово было и остаётся первой линией обороны, самым прочным духовным щитом и одновременно цитаделью, которую любой ценой нужно уберечь. Наши прадеды уповали на то, что, пока звучит родное слово, и “броня крепка”, и “танки наши быстры”.

Сияющим, как солнце, и закалённым, как металл, слово выходило из огня Отечественной войны 1812 года — и рождался Золотой век русской литературы.

В Великую Отечественную войну слово обороняло Москву, питало измученных блокадников, как дополнительная норма хлеба. Слово билось за Мамаев курган, полыхало красным знаменем Победы над рейхстагом.

Все четыре военных года под бомбёжками, в голоде и холоде многотысячными тиражами издавали классиков. Народ вращался в родную землю корнем слова. К книге тянулись, как к живоносному источнику. Каждый экземпляр, сошедший в те годы с печатного станка, был подобен снаряду с конвейера оборонного завода. Враг бежал не только от русской пули, но и от русского слова.

Об этой несокрушимой мощи — стихотворение поэта-фронтовика Сергея Наровчатова, написанное в 1941 году:

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сёл, казнённых городов
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.*

*Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.*

*И вороньё кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.*

*В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.*

*Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мстью мстит мне за тебя?*

Сколько здесь ратного — древнерусского, праславянского — духа, унаследованного через язык! Сколько здесь христианского смирения! Потому что мести не будет, а будет праведный бой за Истину. А после — великая работа, чтобы Родина восстала из праха. И всё со Словом. Ради Слова. Благодаря Слову.

Станислав КУНЯЕВ, поэт, публицист, главный редактор журнала “Наш современник”

Александр Пушкин уравнил две сакральные сущности – “язык” и “народ”:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси Великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык —
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык...*

Николай Гумилёв впадал в отчаянье при мысли о том, что в начале XX века священная энергия языка выветрилась и оскудела, что навсегда канули в Лету времена, когда “словом останавливали солнце, // словом разрушали города”, что в мире “дурно пахнут мёртвые слова”.

Но после рождения на просторах Евразии великой Советской цивилизации русские поэты вновь смели сказать миру: “Я знаю силу слов, // Я знаю слов набат...” (В. Маяковский); “Не страшно под пулями мёртвыми лечь, // Не горько остаться без крова, // И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово” (А. Ахматова); “Тот, кто жизнью живёт настоящей, // Кто к поэзии с детства привык, // Вечно верует в животворящий, // Полный разума русский язык” (Н. Заболоцкий).

А многострадальный узник, трижды побывавший в советских лагерях, Ярослав Смеляков, может быть, и выжил в то суровое время и стал одним из самых значительных поэтов эпохи социализма благодаря тому, что поклонялся русскому языку, как верующий из простонародья поклоняется древней иконе.

*Вы, прадеды наши, в неволе,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.*

*Вы взяли немецкую малость,
хотя бы и больше могли,
чтоб им не одним доставалась
учёная важность земли.*

*Ты, пахнувший прелой овчиной
и дедовским острым кваском,
писался и чёрной лучиной,
и белым лебязьим пером.*

*Ты — выше цены и расценки —
в году сорок первом, потом
писался в немецком застенке
на слабой извёстке гвоздём.*

*Владыки и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на русскую суть языка.*

Это стихи Ярослава Смелякова, говорящие о языке как о живой сущности, откликающейся на все перемены в жизни народа, о божественной тайне зарождения слова (“В начале было Слово...”), о рождении слов и звуков в доисторические времена.

*У бедной твоей колыбели,
ещё еле слышно сперва,
рязанские женщины пели,
роняя, как жемчуг, слова...*

Но наступили роковые времена кровавой перестройки 1991–1993 годов, и съёжилась душа народа, а вместе с ней, словно в гумилёвские времена, ослабело сопротивление языка “дурно пахнущим”, “мёртвым словам” — “трендам”, “мейнстримам”, “месседжам”, “фейкам”, “мониторингам”, налетевшим на “полный разума русский язык” с помощью русофобской пятой колонны, с помощью ренегатов, говорящих на власовском и бандеровском языке или, в лучшем случае, на языке американских комиксов. Недавно услышал в теледебатах фразу, вылетевшую из воспалённых уст депутата нашей Госдумы: “Он (его идеологический противник. — Ст. К.) не “адекват”!” Хоть стой, хоть падай...

Вспомним переживания Сергея Есенина:

*Ах, родина, какой я стал смешной!
На щёки впальце летит сухой румянец.*

*Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец...*

* * *

В начале третьего тысячелетия я участвовал в избирательной компании Сергея Глазьева. Борьба шла за должность губернатора Красноярского края. Приехали мы в заштатный городок Лесосибирск. Выступили несколько раз, а вечером хозяева повезли нас поужинать в лучшую, как они сказали, закусочную города. Накормили по-русски — местной рыбой, борщом, пельменями. Но когда мы выходили из этой закусочной, я оглянулся и прочитал горящее неоновыми буквами её название: “Оклахома” — и обалдел. Вот тогда я понял, что Глазьев выборы не выиграет.

С той поры “Оклахома” стала для меня символом нашего языкового самооплевания, нашего лакейства и холуйства. Приедешь в любой древний русский город — Калугу, Рязань, Воронеж, — идёшь по центральной улице — магазины, рестораны, фирмы, и кругом: “Клондайк”, “Эльдорадо”, “Аляска”, “Миссисипи”. Словом — сплошная “Оклахома”. И “Москва-сити” — тоже “Оклахома”, и кофе-хаус вместо тёплого слова “кофейня” — тоже “Оклахома”...

А недавно, проезжая Рязань, увидел совершенно запредельную алую неоновую надпись: “Секс-хаус”. На фоне той “Оклахомы” точный перевод “секс-хауса” как “публичного дома” воспринимается даже как нечто своё, родное, отечественное.

* * *

В настоящее время практика писать диктанты у нас сохранилась. Правда, это один диктант на всю страну, и называется он “тотальным”. Видимо, потому, что произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Бунина и других классиков “тотально” изгнаны из употребления.

В сентябре месяце 2016 года жители Ульяновска переизбрали на второй срок губернатора Морозова, того самого, который запретил в своей области использовать для диктанта текст из произведения русскоязычной писательницы Дины Рубиной, живущей в Израиле. Как возмутились тогда “жюльнарлисты” из “Новой газеты”, из “Эха Москвы”! “Вы за это поплатитесь!” — взывал один из них (кажется, Гананольский), обращаясь к Морозову.

А всё дело заключалось в том, что Дина Рубина в своих творениях часто балуется “матерком”. “Я отношусь к мату, как литератор”, — пишет она и подкрепляет свою мысль такими детскими стихами:

*— Здравствуй, дедушка Мороз,
Борода из ваты.
Ты подарки нам принёс,
Пидорас проклятый?*

— Я подарки не принёс,
Денег не хватило.
— Что же ты сюда приполз,
Ватное мудило?

Это самые “щадящие” наш слух примеры из “эпохального” романа Дины Рубиной “Вот идёт мессия!”

Рубина получила премию “Большая книга”, во многих интервью признавала себя еврейским писателем, но зачем нам, обладателям прозы Распутина, Астафьева, Белова, Личутина, Лихоносова, выбирать тексты для тотального диктанта из романов вульгарной еврейской матерщинницы?

Об убийце Пушкина Лермонтов писал: “Смеясь, он дерзко презирал // Земли чужой язык и нравы...”

“Нравы” — это обычаи, это вера, это традиции, это совесть. И всё это выражается в языке. Вот почему русский язык — одна из самых необходимых скреп русского мира.

Я помню послевоенное время, наши диктанты и наши изложения (была такая форма учёбы — учитель читал текст, а ученики, каждый по-своему, излагали его на бумаге). Тексты диктантов и страницы изложений обязательно брались из нашей великой классики — из “Капитанской дочки”, из “Тараса Бульбы”, из “Записок охотника”, из “Обломова”. Это одновременно было изучением и русского языка, и русской литературы, и русской истории, и русского Православия, и вообще русской жизни.

Послевоенное радио добавляло к этим знаниям русские народные песни — “Степь да степь кругом”, “Раскинулось море широко”, “Коробейники”, “Есть на Волге утёс”, добавляло русскую музыкальную классику — арии из опер “Князь Игорь”, “Евгений Онегин”, “Садко”. А сколько мировой классики вливалось в наши души из чёрных репродукторов! Верди, Бизе, Бетховен, Гунно, Штраус. Какой там железный занавес!

Всё великое, талантливое, доброе, человеческое входило в наш русский мир. Ворота были открыты. Неаполитанские песни, украинские песни, французские песни, южноамериканские песни — всё было нашим общим достоянием. Да, русская элита XIX века увлекалась французским языком, но Пушкин одновременно учился русскому языку у народа, у Арины Родионовны, у дворовых крестьян — иначе он не написал бы: “Что за прелесть наши песни и сказки!” Элита была, конечно, “офранцужена”. Пушкин это понимал, когда писал о своей любимой героине Татьяне:

*Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своём родном...*

Но!

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С её холодной красою
Любила русскую зиму.*

Душа важнее языка. Татьяна, в сущности, родная сестра Наташи Ростовой, русскость которой Толстой гениально выразил в её пляске под дядюшкину гитару. Пушкин шутил, любя: “Без грамматической ошибки // Я русской речи не люблю...” Но своеволие великих поэтов — это другое дело! Литературный язык в пушкинское время ещё не устоялся. К тому же гениям позволено гораздо больше, нежели русскоязычным ремесленникам: “Не ругайтесь, такое дело! // Не торговец я на слова”. “Словно кто-то к родине отвык” (**выделено мной.** — Ст. К.). Так писал Сергей Есенин — хозяин русского языка и кровный сын русского народа.

Валентин КУРБАТОВ, литературный критик, литературовед, член жюри литературной премии “Ясная Поляна”, член Президентского совета по культуре, г. Псков

Живите в доме и не рухнет дом...

Арс. Тарковский

Простите, что скажу поперёк.

Меня не радует, что о русском языке стали говорить не меньше, чем недавно об одесском бандите Мишке Япончике. Когда язык живёт естественной жизнью, о нём не говорят. На нём просто говорят.

А уж если понадобилось составлять “Словарь расширения русского языка”, который сложил А.И. Солженицын, то значит, дело плохо. Значит, писателю тесно в языке жизни и надо убирать обедневшую реальность вышедшими из употребления одедами и цветами. Отчего мы сразу чувствуем себя в его прозе неуютно, как на ретроспективной выставке, где вроде и наша, но уже не узнаваемая нами жизнь.

Увы, язык нельзя расширить волей даже твёрдого и авторитетного человека. Как нельзя даже суровыми нормативно-правовыми установлениями заставить быть одинаково равноценными договор и договор, возбуждено и возбуждено, добыча и добыча. Они ведь веками до наших забот существовали, как йогурты и йогурты, звонит и звонит. Кто-то даже и начать вместо начать говорил, и ничего — язык не шатался. Хотя, может, как раз тогда всё и начало валиться. Но жизнь ещё была жизнь, и неправильности придавали ей улыбочивой широты и подлинности. Как один добрый пьяница в ответ на укор Ницше, что пить нехорошо, справедливо заметил: “На земле есть разные люди, господин хороший, и я один из них”. Вот и эти неправильности были просто “разные люди”.

Беспокойство о состоянии языка — знак неблагополучия в государстве, знак того, что стал теряться народ, подменяясь беспамятным населением и его опустевшим словом, где слова полегчали и утратили первоначальную ясность. Даже в именах “Единая Россия” и “Справедливая Россия”, как и Союз писателей России и Союз Российских писателей, с порога слышна девальвация существа некогда великих слов.

Увидал недавно на дороге под Воронежем указатель на повороте “Закрытое акционерное общество “Россия”. Это про нас. Это нынешнее название нашей Родины.

Из языка уходят воля и сила. Он живёт полем и небом, землёй и трудом. А вслушайтесь в наши ежедневные новости и найдите там про землю и труд. Там будут жертвы и аварии, теракты и пожары, саммиты и соглашения, кризис, кризис, кризис и президентские уверения в том, что человек должен видеть без уверений. Но ни полей, ни заводов, ни хлеба, ни света вы там не увидите.

Нас веками спасала, держала до последнего времени русская речь, великое русское слово, с которым Ахматова провожала солдат на великую войну: “Но мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово. // Свободным и чистым тебя пронесём // И внукам дадим, и от плена спасём // Навеки...” Не спасли.

И уже не скажешь с Блоком о соблазнительном Западе:

*Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.
Ну, что ж? Одной заботой боле,
Одной слезой река шумней.
А ты всё та же — лес да поле,
Да плат узорный до бровей.*

Ни Руси, ни поля, ни плата. И слово уже не спасёт нас в отместку за измену.

Как ещё недавно умел русский человек благодарно сказать о любви и силе родного языка устами своих гениев Пушкина и Некрасова, Тургенева

и Толстого! В школе – помните? – учили “во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, ты один мне поддержка и опора...” А сегодня, когда сомнений, раздумий через край, мы уже не слышим этих писательских молитв. И вот мы его – волю и правду нашу, неисчерпаемое сокровище – уже вынуждены регламентировать законами. Теперь он не просто живой великорусский, как у Владимира Ивановича Даля, а “государственный”. Нечего своей живостью и “великорусскостью” выситься!

Между тем, надо быть глухим, чтобы не видеть, что мир богатеет не унификацией, а Господним многообразием, что сад человеческой речи прекрасен, когда цветёт райской разностью, а не теснотой политической или коммерческой газеты. Французы вон берегут свой язык от чужих вторжений, потому что помнят своего гения Альфонса Доде, сказавшего, что “пока народ, даже обращённый в рабство, владеет своим языком, он владеет и ключом от своей темницы”. А мы сами свой ключ сдаём...

И немец Хайдеггер, защищая свой язык, подсказывает нации, что “язык – это дом бытия”. Бытия, а не быта. Бога, а не политического отчёта. Государственный язык может быть силён и ясен, когда есть сильное и ясное государство, когда оно совпадает с отчётливыми границами своей самобытности. А когда вместо границ – туман, когда чужое желаннее своего и поощряется всей силой власти, то и язык теряет границы и расплывается в оговорки и примечания, в договоры и договоры, в добычи и добычи.

Не знаешь, кому кричать, что надо жить, жить! И жить дома! Любовью, трудом, семьёй, историей и родом, а не мировым сообществом, не телевизионным окошком, не одним днём, не “здесь и сейчас”, не “всё и сразу”. И язык оформит и бережно озарит эту жизнь и сам станет светом и жизнью. Только живи! Ведь так просто, как говорил Толстой. Но вот, оказывается, простое – то и есть самое недостижимое, ибо оно только просто, а у нас на всё один припев – “в наше непростое время”. И видно, говорящим так и хочется, чтобы оно оставалось “непростым”, иначе голые короли будут голы. Впрочем, кажется, они уже ничем не рискуют, потому что на всех королей при нынешней духовной демографии не найти детей, которые им это скажут.

Вячеслав ЛЮТЫЙ, литературный критик, председатель Совета по критике, член правления Союза писателей России

Народ является носителем своей самобытной речи, и одновременно речь оказывается теми координатами, в которых можно говорить о жизни народа – сегодняшней, вчерашней и будущей. Если мы посмотрим на отношение нынешней власти к русскому языку, к вопросам его сохранения в берегах культурной традиции, то обнаружим, что так называемой властной элите высокий русский язык, которым владели Пушкин и Чехов, Достоевский и Толстой, не нужен. Для решения собственных экономических задач, которые, пожалуй, являются доминирующими в сознании этих людей, вполне достаточно обеднённого английского, который из давнего языка Шекспира перевоплотился ныне в лексикон биржевых клерков, в смысловую грязь попсы, в лишённую оттенков чувства машинную речь политологов.

Подобная оскопленная, обезображенная модель русского языка негласно принимается в информационном пространстве России за некий норматив. Эту тенденцию дополняет политика власти в отношении современной литературы России. Матерная речь вторглась с бесцеремонностью сутенера в пространство театра, телевидения и радио, в романы и стихи современных авторов. На фестивалях поэзии и на страницах выходящих книг грязная фраза стала почти обыкновенной. Бытует мысль, что у народа, в словаре которого нет высоких слов, отсутствуют и соответствующие этим словам чувства и правила. Именно к подобному положению подталкивает политика государства в области литературы и искусства, шире – в области смыслового и этического содержания русского языка.

Несомненно, в первую очередь, такая практика касается молодёжи. В сознании молодого человека матерная речь приобретает признаки яркого высказывания, точной эмоциональной реакции, иронического обозначения личной позиции. Хотя в реальности имя этому синдрому – бедность индивидуального языка, узость словаря и неспособность ощутить все нюансы

душевного состояния человека. И тут не вина, а, скорее, беда современной молодёжи – и преступная, совершенно сознательная деятельность власти в русской языковой сфере. Достаточно вспомнить попытки прозондировать общественное мнение в отношении возможных нововведений в нормативы письменной речи, которые на телевидении лет пять тому назад пытался обосновать очередной языковед, ангажированный идеологически и экономически – уж это безо всякого сомнения. Кто посадил его перед телеэкраном в пиковое время эфира, кто проплатил продажному телеканалу минуты, которые мультимедийные гуру могли бы отдать какому-либо “капитану капиталистической экономики” за хорошие деньги?

Позиция русских писателей, объединённых узами Союза писателей России, в языковом вопросе всегда была строга и благородна: не засорять родную речь грязью и заимствованиями, не терять связи с отечественным читателем. Теперь всё не так просто – денег на издание качественной литературы нет, литературное пространство разорвано, толстые литературные журналы превратились в островки в мутном океане современной словесности, которая к литературе имеет опосредованное отношение.

Все правительственные разговоры о поддержке чтения книг оказываются лукавыми: властные улыбки и участливые взгляды адресованы таким авторам, как Д. Быков, Д. Рубина, Л. Улицкая, Б. Акунин и т.п. Нет нужды характеризовать этих сочинителей, их внутренняя ложь и нравственная вседозволенность находятся на поверхности. Однако книжные магазины завалены томами, принадлежащими именно им, а вовсе не Валентину Распутину, Петру Краснову, Владимиру Крупину... Нет поддержки подлинно отечественной литературы, нет продуманных предпочтений издательствам, нет государственных премий, ориентированных на высокую прозу и поэзию.

В таких обстоятельствах очень важна самодисциплина и понимание, что русский язык – это твой язык, и от тебя зависит его чистота и содержательность. Государство тут русскому человеку не помощник, скорее, лицемерный пришей-пристебай, дающий скудный паёк писателю и журналу, но открывающий горячие объятия разрушителю и ненавистнику всего русского. Поэтому мы сами в этот трудный час должны соответствовать своим высоким словам, наполнять их поступками и чувствами и верить, что наш язык – вечен, а его разрушители тленны и преходящи.

Ранко РАДОВИЧ, известный сербский поэт, обладатель Золотой медали Международного фонда М.Ю.Лермонтова

Любовь к русскому языку у сербов в крови. Старшее поколение впитало это с молоком матери. Вы, наверное, заметили, что люди моего возраста, даже если они никогда не бывали в вашей стране, как минимум, читают и понимают по-русски. Знание русской литературы является признаком хорошего тона и среди образованной молодёжи. Поэтому нам не безразлично, что творится в языковом и культурном пространстве величайшей славянской страны, а по большому счёту – и величайшей страны в мире. Ведь русская духовность укрепляет не только славян и православных, она несёт подлинный свет и многим другим народам, даже тем, чьи представители часто с высокомерием, неприязнью или со страхом взирают на “северного колосса”.

Как человек, много лет проживший на Западе, я могу с уверенностью сказать, что романы Достоевского и Толстого, драматургия Чехова, русская поэзия “серебряного века” нередко воспринимаются тамошним серьёзным читателем куда живее и лучше, чем иные классические образцы их собственной словесности, которая, несмотря на определённую стойкость европейской традиции, стремительно вырождается под влиянием чужеродного, неевропейского и патологического начала. Однако “начало” это одновременно является и “концом”: змея кусает собственный хвост. Наша же культура – оптимистична, устремлена в вечность и в будущее. Христианство является логическим завершением и наивысшей ступенью данного врождённого оптимизма. Поэтому взоры всех мыслящих людей в Америке и Европе прикованы сегодня к Православной России, последнему “удерживающему” в этом падшем, но в то же время вполне способном к восстанию (и неоднократно восстававшем) мире. Русская культура, красота русской речи и глубина русского слова

позволяют нам не страшиться эсхатологической перспективы. Между тем, это, конечно же, не означает, что можно благодушно взирать на происходящее вокруг. Тревога русских писателей, их стремление противостоять разрушительным процессам в области языка и культуры, инициированным бесноватыми заговорщиками, нам, сербам, близки и понятны. У нас ведь тоже периодически предпринимались и до сих пор ещё предпринимаются подобные попытки. И каждый раз наталкивались и будут наталкиваться на здоровую славянскую реакцию – защитную реакцию национального организма.

Мне лично трудно представить мою жизнь человека и поэта без стихов Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Хомякова, Есенина и Рубцова. Русский язык с его многоуровневым богатством лексического фонда (то, что было обеднено в литературном сербском реформами Вука Караджича) является для сербов своеобразным мостом в общеславянское прошлое, а значит – и в грядущее, ибо будущность наша непременно должна быть связана с “седой стариной” или “сияющим прошлым”, как сказал наш величайший писатель XX века Милош Црнянский, потомок православных священников и отважных граничар (пограничная стража, в чём-то сродни нашему казачеству. – **Прим. ред.**). Эпоха социальных экспериментов прошла; те, кто пытается искусственно возродить мёртвые формы (постмодернизм) и эстетику распада, в скором времени сами окажутся жертвами своих противоестественных устремлений. А славянская цветущая речь станет завоевывать (отвоёвывать) культурное пространство древнего континента, приобщая новые поколения к целительным праистокам былого единства. И русский язык в этом смысле – поистине неисчерпаемый кладёзь для каждого, кто хочет заглянуть в себя и открыть заново собственное незамутнённое естество.

Диакон Павел Сержантов, к. филос. н., доцент ПСТГУ, клирик храма преп. Евфросинии Полоцкой, г. Москва

Что нам предстоит, знает Бог. Не будучи пророком, я не возьмусь приоткрывать судьбы нашего народа и нашего языка. Могу лишь выразить надежду, что мы сохраним наследие великих предков, не подведём, и наши потомки будут жить в великой стране с её великой культурой.

Что нужно для сохранения языка? Многое нужно, всего и не перечислить. Для меня важнее, в чём конкретно состоит моя задача.

Главное – сохранить и преумножить в своей душе любовь к родному слову. С годами я всё больше и больше ценю “непереводимого на другие языки” Пушкина, вдохновляюсь тем, как поэт и мыслитель Александр Сергеевич Пушкин пользуется русским словом.

Не менее важно для меня передать своей дочери эту любовь к языку. В семье ребёнок учится говорить и любить родной язык; в школе и университете образование у ребенка пойдёт, если в семье был заложен прочный культурный фундамент.

А ещё мне надо передать любовь к русскому языку людям, которым я преподаю. Правда, предметы мои – догматическое богословие, аскетика и антропология – связаны с русским языком не напрямую.

И всё-таки сам я стараюсь на занятиях говорить понятным языком, особенно на трудные и запутанные темы. От преподавателя требуется рассказывать “вкусно”, ярко, пользоваться всем богатством языка. Я пытаюсь подталкивать студентов поднимать на высоту их культуру речи, культуру мысли, даже культуру чтения вслух и обсуждения прочитанного.

Аскетика и другие мои предметы можно по-разному преподавать, очень легко откататься от путешествия из мира потребления в мир здоровой аскезы, легко перейти к псевдоаскетическим “упражнениям в риторике”, к “плетению благочестивых словес”. За этим тоже приходится следить, фальшь недопустима.

Такие у меня задачи... С меня спросится, как я с ними справлялся. Спросится, держал ли я связь с коллегами и единомышленниками, как мы двигали общее наше дело, боролись за него.

В наши дни действительно совершается грандиозная “подмена традиционной культуры”, и это очень нам мешает. *Массовая культура*, преимущественно американская, вытесняет *русскую литературу*, ставшую в XIX веке

по-настоящему великой классической литературой – русские писатели подарили миру неповторимые шедевры.

Массовая культура пытается заменить *народную культуру*, начиная прямо с младенчества, с материнского фольклора. Я не хочу огульно отрицать массовую культуру, среди её произведений попадаетея то, что заслуживает внимания образованного человека. Однако большая часть произведений массовой культуры (и порождённой ею *элитной культуры*) только портит людям вкус, не развивает его, а приучает людей искать довольно низменные развлечения. И уж, конечно, массовая культура не может дать человеку нужные ориентиры в жизни. А традиционная культура даёт.

И это в полной мере относится к традиционной *русской церковной культуре*. Она уходит своими корнями в византийскую культуру и глубже – в библейское откровение. И она представляет собой не механическое повторение того, что говорили две тысячи и тысячу лет назад лучшие представители других народов. Русская церковная культура – одновременно и традиционная, и творческая, способная к здоровому развитию. Как и положено полноценной культуре.

С церковной культурой беспощадно боролись последние сто лет, хотели уничтожить её и воспоминания о ней. Эта борьба в менее ожесточённых формах велась, по крайней мере, с XVIII века. И всё же Русская Церковь выстояла, наследие православного христианства дошло до нас как неотъемлемая часть отечественной и мировой культуры. Надеюсь, при всех тревожных обстоятельствах выстоит наш народ с его традиционной культурой, с его великим русским языком.

Илья Числов, славист, председатель Общества Русско-Сербской дружбы

Легендарный основатель средневековой сербской державы, великий жупан Стефан Неманя, поучая чад своих (а среди них был и святой Савва – первоосвятитель земли Сербской), говорил о непреходящем значении родного языка (*матернег језика*) и сравнивал его с “крепкой бронёй” и “надёжным оружием”. Сохранение языка, считал он, равнозначно сохранению нации, поскольку любые чужеродные добавки неминуемо меняют лицо народа, открывают доступ в его среду “бродягам пришлым”.

Сохранение в чистоте великого русского языка в наше время является одной из первоочередных задач национальной интеллигенции. Ведь политические декларации сами по себе стоят недорого. Если маститый писатель-государственник, примеряясь к “современному миру иллюзий”, начинает писать в стиле пелевиных-сорокиных и прочих порно-ерофеевых, вся его “державность” лопнет, как мыльный пузырь, от первого булавочного укола со стороны этого извращённого мира. Язык уходит корнями в предысторию народную, неведомую (недоступную) хроникам и летописным сводам. Через церковнославянский пласт наш русский язык связан с небесными истоками нашего бытия. Ибо всякий полноценный народ есть замысел Божий об этом народе. Искажение богоданного лика влечёт за собой закономерную кару, ведёт к разрушению и смерти.

Когда нам говорят, что “современные” процессы, в том числе и языковые, якобы объективны и “неотвратимы”, мы должны помнить, что это – наглая ложь. Посмотрите на самих “поборников прогресса”: разрушая (покоряя) культурное и языковое пространство славян и европейцев, они одновременно тщательно оберегают и даже искусственно восстанавливают свой собственный, казалось бы, мёртвый язык. Мертвец оживает за счёт наших живых соков... Сербский рецепт в данном случае – осиноый кол (*глогов колац*) в сердце вурдалаку! Заостряет же и укрепляет его ежедневное трепетное и бережное обращение с родным словом.

Дмитрий ШЕВАРОВ, журналист, эссеист, прозаик, литературный критик

Мне кажется, что поставленный вами вопрос содержит в себе самообман – привычный и даже приятный, наверное, для многих, но горький по своим последствиям. Нам приятно уверять себя в том, что пагуба на нашу культуру

и даже на родной наш язык приходит откуда-то извне. Что подмены, извращения и подтасовки происходят не по нашей вине. Что это какие-то наёмные супостаты сокращают часы на родную литературу, изгоняют корневые ценности, развращают молодёжь. Понимаю эмоции тех, кто так думает. Ведь заговором таинственных сил легко объяснить многое из того, что мы видим вокруг. Кроме того, ты сам себе кажешься проницательным человеком. Это держит тебя в тонусе как публициста или просто как радеющего за Отечество человека.

Нет, я вовсе не отрицаю, что “вихри враждебные веют над нами”, но человечество давно живёт в падшем мире, и вихри эти всегда веяли и будут веять до скончания веков. Но почему этот факт должен освобождать нас от личной ответственности перед Богом за то, что мы произносим, читаем, пишем, смотрим? Кто заставляет молодую женщину, гуляющую со своим ребёнком на детской площадке, вдруг набрасываться на своё чадо с площадной бранью? Кто принуждает девочек-старшеклассниц разговаривать друг с другом матом? Какой законспирированный негодяй приказывает русским мужчинам повсеместно сквернословить во всю ивановскую? Какой госдеп мешает нашему президенту и нашему Патриарху обратиться к народу с общим словом увещевания и устыжения?..

Ведь ещё четверть века назад на сквернословия осуждающе оглядывались, его пытались пристыдить. Сегодня мат не ранит наш слух, не уязвляет сердце. В книжных магазинах мы спокойно взираем на новинки, украшенные специальной наклейкой “Книга содержит нецензурную брань”. Мы понимающе ухмыляемся, когда депутат в патриотическом раже рассказывает солёный анекдот или бранит супостатов отборной бранью. Мы уважительно смотрим на “эффективных менеджеров”, которые наводят порядок, распекая подчинённых последними словами.

В заключение — не предание, а подлинный факт из истории моей семьи. В конце 1950-х годов мой дед занимал генеральскую должность в одной из областей Русского Севера. По необходимости ему приходилось присутствовать на заседаниях бюро обкома партии. В область был назначен новый первый секретарь — фронтовик, хозяйственник, человек крутого нрава. На одном из совещаний он набросился на кого-то из подчинённых, позволив себе непечатное выражение. Мой дед тут же, публично, сделал замечание высокому лицу, попросил его держаться русского литературного языка. Первый секретарь побагровел, а вскоре разразилась гроза: приказом из Москвы дед был снят со своей должности без объяснения причин и отправлен в отставку. Его карьера навсегда оборвалась.

Но дедушка никогда не жалел о том, что поступил по совести.